

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. Д. Кузьмина
г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ А. Д. КАНТЕМИРА С СЕСТРОЙ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА В РОССИИ XVIII В.

Аннотация: Статья посвящена исследованию переписки князя А. Д. Кантемира с сестрой, княжной М. Д. Кантемир, в контексте развития эпистолярного жанра в русской литературе XVIII в. Выявляется, что начавшее выдвигаться на ведущие позиции уже в первой трети XVIII в. (о чем свидетельствует, в частности, письмовник Петровского времени «Приклады, како пишутся комплименты разные...») дружеское письмо играет определяющую роль в общении князя и княжны. Это своего рода семейно-дружеская переписка. Ее характер с течением времени меняется: в 1732–1740 гг. она по большей части доверительно-исповедальная, в 1741–1744 гг. — деловая. Вероятно, такие изменения с ней произошли под влиянием внешних факторов: состояние здоровья Кантемира неуклонно ухудшалось, о чем он старался сестру лишней раз не извещать, не расстраивать и не пугать ее, но и лгать ей не хотел. Вместе с тем у него не было ни сил, ни времени обсуждать что-либо, кроме дел, которые он торопился устроить, чувствуя приближение смерти. Очевидно, по этим причинам личные темы замалчивались. Но и переведенная в деловой регистр переписка брата и сестры Кантемир оставалась неизменно дружеской. Какой бы характер она ни носила, ей присущи такие черты, как эмпатия, искреннее участие одного корреспондента в событиях жизни и переживаниях другого (отсюда особая теплота в обращениях к адресату, в том числе в прескриптах и клаузулах), наличие дружеских шуток, а также своего рода «тайнописи» аллегорического языка, понятного только участникам переписки. Княжна Мария предложила, Кантемир принял прозвища для общих знакомых, причем в письмах княжны Марии эти прозвища реализуют свой литературный потенциал. Они двуплановы (княжна попеременно актуализирует то «человеческий», то «животный» план содержания, задолго предваряя прием переключения повествования из «животного» в «человеческий» план, характерный, как известно, для сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, в том числе для его сказок) и вполне сатиричны. Наличие литературных — прежде всего стихотворных — вставок принято считать

одной из черт дружеского литературного письма, появление которого в русской литературе традиционно датируют второй половиной XVIII в. Нетрудно заметить, что переписка князя и княжны Кантемир тесно связана с традицией сентиментализма, благодаря своей доверительно-исповедальной и дружеской тональности. В целом, эта переписка усложняет научное представление о сущности и истории формирования дружеского литературного письма.

Ключевые слова: А. Д. Кантемир, М. Д. Кантемир, переписка, эпистолярный жанр, письмо, дружеское письмо, русская литература XVIII в.

Информация об авторе: Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Дата отправки статьи: 24.08.2020

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Переписка князя А. Д. Кантемира с сестрой и пути развития эпистолярного жанра в России XVIII в. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 142–157.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

Первый русский печатный письмовник, «Приклады, како пишутся комплименты разные...» [20], переведенный с немецкого и четырежды увидевший свет в Петровскую эпоху (дважды в 1708 г., также в 1712 и 1725), на протяжении первой половины XVIII в. остававшийся единственным письмовником, открывал новую — секулярную — эпоху в развитии эпистолярного жанра и в целом литературы и культуры (см. подробнее: [19]). Его связь с традицией древнерусского послания весьма слаба, формализована. Он исподволь приучал читателей по-новому изъясняться, мыслить и жить. Духовному учительному посланию, игравшему ведущую роль в древнерусской литературе (см. подробнее, например: [1; 7]), «Приклады...» противопоставили, как заявлено и в их названии, нарочито светское письмо-«комплемнт», по сути же — дружеское письмо. Последнее, таким образом, выдвигалось на ключевую позицию в развитии эпистолярного жанра много раньше, чем принято считать. Большинство исследователей датируют его появление второй половиной XVIII в. [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Уже в первой половине XVIII столетия дружеское письмо формируется в русской литературе и, более того, оказывает влияние на другие типы посланий, причем самые разные — от семейного до делового.

Семейная переписка (а отчасти и деловая) очень репрезентативно представлена в эпистолярном наследии князя А. Д. Кантемира. Занимая в 1732–1744 гг. должность русского посла сначала в Англии, затем во Франции, он регулярно писал в Россию родным — братьям и особенно часто сестре, княжне М. Д. Кантемир, с которой его связывали самые близкие родственно-дружеские отношения. Сестра в свое время заметила ему рано умершую мать (на момент кончины матери в 1713 г. князю Антиоху, младшему в семье, было пять лет, княжне Марии, старшей, — тринадцать), а затем,

в сущности, и всю семью. В 1723 г., после смерти отца, пятнадцатилетний Кантемир полностью осиротел. С братьями — особенно со старшим, Константином, единолично унаследовавшим почти все состояние отца и женившимся на не принятой его семьей А. Д. Голицыной, вследствие этих двух обстоятельств отделившимся от семьи, — но также и с другими, Сербаном и Матвеем, у него не было такой духовной связи, как с сестрой. Антиох и Мария не вступили в брак — он был семьей и самым близким другом для нее, она для него. Эти родственно-дружеские отношения в полной мере раскрывает их переписка. Она велась преимущественно на итальянском языке и на данный момент опубликована в переводе на русский [17; 18]. К сожалению, исследователи обращались к ней в основном как к источнику биографии Кантемира-литератора, автора знаменитых стихотворных сатир, направленных на защиту Петровских реформ, и княжны Марии, легендарной любовницы Петра I. Но переписка представляет ценность прежде всего для изучения развития эпистолярного жанра.

Эта переписка являет собой любопытнейшее средоточие восточно-русско-западных традиций, к которым брат и сестра по происхождению (их отец — румын, молдавский господарь, мать — гречанка) и образованию (князь и княжна входили в число образованнейших людей своего времени) были органично приобщены. Выросший в России, ревностно служивший ей до гроба, любивший ее, Кантемир, по справедливому суждению Л. М. Майкова, «конечно, <...> не мог питать расположения к русской старине, ему неведомой, и к ее обычаям, которые представлялись ему (он был под сильным влиянием Петра и Феофана Прокоповича. — М. К.) только с отрицательной стороны; но он любил Россию в том виде, как пересоздал ее Петр...» [15, с. 101]. То же, судя по письмам, можно сказать и о Марии Кантемир.

Несмотря на симпатии брата и сестры к преобразовательской деятельности Петра и непричастность к древнерусской духовной традиции, оба были религиозны. Мария даже хотела принять монашеский постриг. Возможно, сказалось влияние, оказанное на нее еще в детстве ее учителем греческого языка священником Анастасием Кондоиди и вообще воспитание «в строгой набожности» [15, с. 101]. Православная духовная традиция была воспринята Марией, как и Антиохом, не в русском, а в греческом варианте. Традиция же учительного послания оказалась для них совершенно неактуальна.

Тема Бога, одна из центральных в переписке Антиоха и Марии Кантемир, освещается как переживаемая каждым корреспондентом исключительно лично. Сама эта установка на индивидуальность, личность в общем-то позиционирует брата и сестру как представителей Петровской эпохи. Их послания имеют вероисповедный характер только в том смысле, что исповедуют веру обоих адресантов,веряющих свои жизни Богу. Оба надеются на Него, молятся Ему, благодарят Его, принимают Его волю («Беспременно молю Бога...» [17, с. 42], «С Божьей помощью...» [17, с. 43], «Дай Бог...» [17, с. 43], «...благодаря Богу...» [17, с. 48], «Да будет воля Божья!» [17, с. 152] и т. п.). Живя с мыслью о Боге, как и древнерусские книжники, князь и княжна Кантемир самостоятельно приходят к тому, к чему приходили древнерусские книжники: обращаются к тексту Священного Писания, подкрепляя им себя и друг друга («Бог никому не позволяет есть свой хлеб иначе, как в поте лица, — размышляет Кантемир. — От него должны мы ожидать улучшения горестного положения...» [17, с. 65], «“Стучитесь”, — говорит Иисус Христос, — и вам отворят. Я стучусь, а все прочее предоставляю на Его волю» [18, с. 162]), проецируют события своей жизни на библейские, выступающие в роли прецедентных («Слава Богу, пришла суббота, как для евреев, и они обрели Ханаан

после долгих лишений» [17, с. 75], — пишет Мария; «...мы жили в Париже, как Ной в своем ковчеге; в моих подвалах до сих пор стоит вода...» [17, с. 161], — сообщает Антиох), прибегают для описания своих обстоятельств к христианской образности. Так, Мария апеллирует к образу-символу корабля: «...душа Божественна, — говорит она, — и может все предвидеть. Мы не ошиблись в нашем предвидении и, наконец, наш корабль вошел в порт покоя и довольствия» [17, с. 75].

Но, в отличие от древнерусских книжников, старавшихся не выходить за рамки христианских догматов, Антиох и Мария, будучи светскими людьми, позволяют себе выстраивать на основе религии свою собственную «философию» и с ее позиций судить о жизни. В большей степени это свойственно Кантемиру, который очень точно формулирует: «...у меня теперь свой прекрасная философия» [18, с. 152]. Религиозная основа придает ей вид безошибочной, сверхавторитетной. Осознанно или нет включаясь в традицию, заложенную Христом и продолженную Апостолами, Учителями Церкви, христианскими проповедниками, Кантемир говорит афористично, в притчевой и в целом проповеднической манере, поэтому в его речи появляются, пусть и не категорично выраженные, учительные и пророческие интонации. Ср.: «Я уже привык не печалиться от таких вещей, которые могут перемениться: у меня теперь своя прекрасная философия, избавляющая меня от многих забот. Советую и вам поступать так же, если хотите провести жизнь спокойно» [18, с. 152], «Нет ничего лучше на свете, как жить независимо и не быть принужденным обращать внимание на то, что скажет другой» [18, с. 154], «Нет человеческого желания, которое нельзя побороть, когда того требует разум» [18, с. 155], «На этом свете нельзя забывать никого, потому что неизвестно, кто большой и кто маленький» [18, с. 158], «Вы правы, когда говорите, что вы рады остаться незамужней. Бог ведь, кто попался <бы> вам в мужья и когда бы кончился праздник. Тревоги ваши минуют, и радующийся малым счастливее богатого» [18, с. 162] и т. п. Мария, вторя брату, тоже «философствует», хотя и по-женски робко и редко. Например, радуясь в вышецитированном письме, что «пришла суббота, как для евреев, когда они обрели Ханаан после долгих лишений», княжна размышляет: «Но человек никогда не бывает доволен: так, хочу, кроме того, вас увидеть» [17, с. 75]. Нетрудно заметить, что в сентенциях обоих корреспондентов, несмотря на религиозную основу, превалирует «земной» план содержания, вследствие чего эти сентенции находятся как бы на пересечении учительно-притчевой и пословично-афористической традиции.

Включенность религиозной составляющей как отдельной, пусть и базовой, части в личное, мирское мировоззрение (о других, «европейских», составляющих этого мировоззрения см. подробнее: [2; 3; 6]), очевидно, обусловила своеобразие ее репрезентации. Она вводится «неравномерно». Любопытно, во-первых, то, что, хотя оба корреспондента часто говорят о Боге, вверяя Ему свои жизни, оба все же значительно чаще говорят о Нем в связи с одним участником эпистолярного общения — Антиохом. Мария пишет ему: «Беспрестанно молю Бога, чтобы Он одаривал меня счастьем еще раз Вас видеть...» [17, с. 42–43], «Дай Бог, чтобы Всемиловнейшая Государыня вознаградила Вас должным образом за труды...» [17, с. 51], «Дай Бог, чтобы больше Вам не понадобились лекарства и чтобы Он даровал Вам полное выздоровление...» [17, с. 53] и т. п. И Кантемир пишет ей: «...мне и вам приходится прибегать к терпению, пока Бог не изменит к лучшему мое положение» [18, с. 149], «...я, по милости Божией, чувствую себя не только хорошо, но даже отлично» [18, с. 152], «Если Господь велит нам скоро свидеться...» [18, с. 152], «Но пусть будет во всем воля Божия! Буду покорно

ждать, когда Ему будет угодно взять меня отсюда» [18, с. 154–155] и т. п. Даже по приведенным высказываниям можно видеть, что эпистолярный диалог брата и сестры основывается преимущественно на трех ведущих темах: успехи по службе, самочувствие и возвращение в Россию Кантемира. Счастье брата и самозабвенно любящей его сестры (здоровье которой было хотя и не безупречным, но крепче, чем у него, и жизнь которой текла хотя и не безмятежно, но достаточно размеренно), несомненно, зависело именно от этих трех составляющих, в отношении которых они поэтому и возлагали свои надежды на Бога.

Любопытно, во-вторых, то, что тема Бога, лейтмотивная в первой части переписки князя и княжны Кантемир, со временем практически полностью исчезает с ее страниц. На эту особенность в отношении писем Антиоха обратила внимание А. Д. Косилова. «В первых письмах, — отмечала она, — А. Кантемир чаще упоминает о Боге, но чем больше в письмах нагнетается ситуация, по мере приближения его смерти, тем реже он о Нем пишет, практически совсем не упоминает о своей философии» [9, с. 84]. Эта особенность в полной мере отличает и послания Марии. С 1741 г. переписка носит преимущественно деловой характер. Обсуждаются вопросы о возможной женитьбе Кантемира на княжне В. А. Черкасской (от письма к письму он все более решительно отвергает эту идею, так нравившуюся его сестре), о разделе отцовского наследства, о высочайшем разрешении Кантемиру взять отпуск и выехать в Италию для поправления здоровья и т. п. По поводу последних двух вопросов брат просил сестру хлопотать, хлопотал и сам. Время от времени оба корреспондента уведомляют друг друга о самочувствии, которое в случае Кантемира оставляло желать лучшего и все ухудшалось, о чем он, впрочем, старался княжну лишней раз не извещать.

Вряд ли справедливо было бы предполагать, что брат и сестра Кантемир перестали писать о Боге, потому что, не получая от Него в эти трудные для них годы желаемого, ослабели в вере. Мария отказалась от своего давнего желания вступить в монастырь, снисходя к просьбе Антиоха, признавшегося ей, что не любит монашествующих, и желавшего по возвращении в Россию поселиться в одном доме с сестрой, где бы она была хозяйкой. И все же княжна завещала часть своего состояния на строительство женского монастыря либо, если это не получится, на раздачу бедным (см. подробнее: [15, с. 149]). Кантемир перед смертью был на Пасхальном богослужении и участвовал в Таинствах Церкви (см. подробнее: [4, с. 71]). На закате жизни он создал трактат в форме эпистолярного цикла «Письма о природе и человеке» (1742), по содержанию и поэтике очень соотносимый с письмами к княжне Марии. В этом трактате он, предвосхищая сентименталистов, обрисовал идеальное бытие человека на лоне природы наедине с самим собой и с другом, а также, что акцентируется в тексте и принципиально для его автора, — с Богом.

Со страниц переписки тема Бога, думается, уходит по другой причине — потому, что эпистолярное общение князя и княжны в 1741–1744 гг. в значительной степени утрачивает доверительный характер, а означенная тема, как уже было отмечено, переживалась обоими как глубоко личная. По той же причине, как тоже очень личная, со страниц посланий уходит и «философия» Кантемира. Предложенные А. Д. Косиловой очень удачные термины: «религиозно-философский дискурс», «исповедальный характер» [9, с. 80] — аутентичны для характеристики эпистолярного общения князя с княжной только до 1741 г.

Доверительный характер переписки ослабевает «по инициативе» Кантемира. Легко можно заметить, что именно он играл в эпистолярном общении с сестрой лиди-

рующую роль. Безмерно любя его и проявляя женскую чуткость, мягкость, уступчивость, княжна настраивалась на задаваемый им камертон. В последние годы жизни Кантемир, очевидно, не имел ни сил, ни времени писать сестре о чем-либо, кроме как о делах, которые торопился устроить; не имел, очевидно, и желания писать о чем-либо, кроме дел, чтобы в откровенном разговоре не затронуть вопроса о своем самочувствии, о приближающейся смерти, не огорчить и не напугать сестру. Вместе с тем и обманывать ее он, скорее всего, не хотел. Тесно взаимосвязанные личные темы совокупно ушли со страниц переписки.

Но, какой бы характер ни носила переписка — «религиозно-философский» ли и «исповедальный» в первой части, деловой ли во второй, — она всегда оставалась дружеской. Ее отличает прежде всего ярко выраженная задушевность, эмпатия, устремленность адресанта к адресату, проявляющаяся в выражении чувств к нему и в желании переживать вместе с ним самые разные обстоятельства и состояния. Интересно отметить, что если во всех других отношениях камертон эпистолярному общению задавал Антиох, а Мария подстраивалась, то в отношении родственно-дружеской задушевности корреспонденты полностью «равноправны». Кантемир проявляет самое нежное, едва ли не материнское участие к сестре, а сестра — к нему. Раскаиваясь в задержке с отправкой письма, столь ожидавшегося Антиохом, Мария обращается к нему: «Так я не исполнила долг в отношении к любимому брату, который дороже мне всего» [17, с. 41]. «Вы знаете, как я люблю вас, — вторит ей брат, — можете представить себе, с каким удовольствием я получаю добрые известия о Вашем здоровье» [17, с. 64]. «...не сомневаюсь в Вашей любви ко мне: Ваше беспокойство ее подтверждает. Мне жалко, что не имею от Вас новых писем» [17, с. 67], — продолжает эпистолярный диалог Мария. Переписка, позволяющая частично преодолеть разлуку, осмысливается обоими как нечто очень ценное. Мария беспокоится о том, чтобы брат не подумал, что она без веской причины пропустила почту и оставила его без письма, и чтобы не понял это как охлаждение ее чувств к нему, и чтобы не начал тревожиться о ее здоровье: «...прошу вас, ради братской любви, чтобы Вы не подозревали, что я болею или возлюбила лень, или еще что...» [17, с. 40], «Лишь сегодня Вам отвечаю, причиной тому не моя небрежность...» [17, с. 42] и т. п. Для семейно-дружеской переписки князя и княжны Кантемир совершенно не характерен мотив «пиитической лени», который приобретет такую популярность в пушкинскую эпоху. Он и в целом был не характерен для русской культуры первой половины XVIII в., зиждущейся на идее обязательного служения родине и постулирующей возможность лишь очень кратковременного и неполного досуга, посвящаемого чтению, литературным и тому подобным занятиям (см. подробнее: [8]). Самозабвенная забота брата и сестры Кантемир друг о друге тем более не допускала мотива лени.

Забота и любовь всегда очень эксплицированно означены в прескриптах писем Антиоха и Марии. Практически каждый прескрипт здесь — гипербола, и он задает тон всему последующему тексту (ср. гиперболы в последующих композиционных частях: «...остаюсь, каким буду *вечно* (здесь и далее курсив наш. — М. К.), вашим <...> слугою и братом» [18, с. 165], «Наконец, после *целой вечности*, получил ваше *высокоочтимое* письмо...» [18, с. 167], «...благодарствую Вас *бесконечно*...» [18, с. 198]). Как правило, письмо открывается обращением — прилагательным в форме превосходной степени, и во всех без исключения случаях это прилагательное, выражающее сильное чувство. Именно последнее, конечно, определяет искренность задушевной тональности прескрипта, на первый взгляд очень традиционного, не выходящего за рамки светской

любезности, в духе рекомендаций «Прикладов...». Для посланий Марии характерен прескрипт: «Дорогой и любезнейший брат...» [17, с. 42 и мн. др.]. На общем фоне выделяется ее последнее письмо, написанное в отчаянии от известия о тяжести болезни Антиоха. Оно начинается предельно нежно-тревожно: «Возлюбленный брат мой!» [18, с. 200]. Предчувствие не обмануло княжну. На тот момент, когда она писала эти слова, ее брата уже не было в живых. В отличие от Марии, Антиох варьирует обращения в прескриптах: «Дорогая и уважаемая госпожа моя сестрица!» [17, с. 64], «Досточтимейшая госпожа, почтеннейшая сестра и государыня...» [17, с. 77 и др.], «Любезнейшая сестра, почтеннейшая госпожа...» [18, с. 152 и др.], «Любезнейшая и высокочтимая сестра!» [17, с. 195].

В письмах обоих нежные обращения друг к другу переносятся на сами письма, такие долгожданные и дорогие, т. е. выступают в роли метонимических эпитетов. «Дорогой и любезнейший брат, — пишет Мария, — только сегодня, после долгого времени, могу отвечать на Ваше любезнейшее письмо...» [17, с. 42]. «Дорогая и уважаемая госпожа моя сестрица! — обращается к ней Антиох. — Больше месяца оставался без Ваших любезных писем и уже начинал несколько беспокоиться за Ваше здоровье. Последняя почта, доставившая мне Ваше дорогое письмо <...>, положила конец моим волнениям» [17, с. 64]. Послания характеризуются как «любезное», «любезнейшее», «дорогое», «доброе» [18, с. 152], «высокочтимое» [18, с. 167], «уважаемое» [18, с. 176] и т. п., в соответствии с теми чувствами, которые они и их авторы вызывают.

Эти чувства еще раз, так же ярко и искренне, как в прескрипте, эксплицируются в клаузуле, несмотря на то что она, как и прескрипт, внешне очень традиционна для эпистолярия Петровской эпохи: «Пребываю Ваша преданнейшая сестра» [17, с. 41], «Ваш всепокорнейший и преданнейший слуга и брат» [17, с. 65]. Это были бы просто слова, если бы они не подтверждались всем содержанием переписки и делами, совершавшимися за ее пределами. Как уже было упомянуто, Мария из «преданности» брату отказалась от осуществления своего желания уйти в монастырь. Антиох соглашался поступиться собственными планами в решении вопроса о разделе отцовского наследства — из «покорности» и «преданности» сестре [18, с. 188]. Оба с радостью торопятся проявить послушание друг другу. «Но, следуя вашим инструкциям, я молчу...» [18, с. 180], — сообщает брату Мария. «...я напишу и друзьям, <...> согласно вашему совету» [18, с. 188], — почти вторит ей Кантемир.

В контексте всей переписки князя и княжны даже последние — по преимуществу деловые — письма, в которых исповедально-доверительная тональность редуцирована, остаются задушевыми дружескими, хотя бы за счет прескрипта, метонимического эпитета, выражающего отношение к письму, и клаузулы. Этого оказывается достаточно и при отсутствии других элементов, характерных для эпистолярного дружеского общения.

Из других отличительных черт дружеского письма, формирующегося в то время в русской литературе, в посланиях Антиоха и Марии можно отметить, в частности, шутки. Они, правда, весьма немногочисленны и невыразительны, и больше отличают письма Кантемира, например: «Приветствуйте от меня брата Сербана, которому не пишу отдельно, ибо голова у меня, сочинившая больше десяти писем господам, которые недавно получили повышение, теперь как барабан» [18, с. 158]. Под пером Марии если и рождается, то не столько юмор, сколько ирония. «Добрый брат наш, — ехидно говорит она о брате Константине, у которого остановилась, прибыв из Москвы в Северную столицу для решения денежных вопросов, — притворяется, что удивлен моему

приезду в Петербург. Полагаю, что, если бы с него взыскивали две тысячи рублей, он, со всем своим богатством, не остался бы сидеть в своей Дмитренке (речь о селе, доставшемся ему по наследству от отца. — *М. К.*), а пустился бы в столицу, даром что ему ехать вдвое больше. Я же решаюсь на путевые тяготы <...> ради 20 000 с лишним рублей. Дивлюсь, что ему столь не по сердцу мой приезд: наверное, боится, что владеет отцовскими землями не по закону» [18, с. 180]. Судя по этому и подобным пассажам эпистолярия Марии Кантемир, она была не в меньшей степени, чем брат Антиох, одарена талантом сатирика; Антиох же реализовывал свой талант не столько в эпистолярном жанре, сколько в жанре стихотворной сатиры, принесшем ему литературную славу.

Гораздо больше, чем шутки, переписке брата и сестры Кантемир свойственна другая черта дружеского эпистолярного общения — иносказание, своего рода тайнопись, понятная только самим участникам переписки. В посланиях князя и княжны тайнопись сложилась во многом под влиянием внешних факторов (оба знали, что личная корреспонденция посла перлюстрируется), но это не меняло ее сути. Автором аллегорического языка выступила княжна Мария, еще раз обнаружив задатки таланта сатирика. Она придумала прозвища общим знакомым — родовитым дворянам, близким семье Кантемир или уже в нее вошедшим. С одной стороны, это позволило обезопасить себя и брата, давая обоим возможность свободно отзываться о достаточно известных людях. С другой — прозвища сами по себе представляли собой отзывы-оценки. Нетрудно заметить, что аллегория в переписке брата и сестры Кантемир выполняла те же функции, что и в художественной литературе — в диапазоне от басни до сатирической сказки или романа.

Целым рядом прозвищ с отрицательной коннотацией Мария Кантемир наделила нелюбимую золовку — жену брата Константина, урожд. А. Д. Голицыну: «Елена» (виновница Троянской войны), «колосс Родосский», «Медея» и пр. Обращает на себя внимание их «литературность», обнаруживающая эрудированность княжны. Последняя тем самым демонстрировала свое превосходство над золовкой и выказывала чувство собственного достоинства. Но о жене князя Константина в переписке в целом все же редко идет речь. Охотнее обсуждаются более интересные брату и сестре лица — именитый государственный деятель князь Алексей Михайлович Черкасский и его единственная дочь княжна Варвара Алексеевна, которую связывала с Кантемиром взаимная симпатия. Мария приложила немало усилий, чтобы их брак состоялся; Антиох, поначалу благосклонно относившийся к этой идее, с течением времени все более решительно ее отвергал.

Княжна Мария нарекла князя Черкасского, прославившегося своей медлительностью и проявлявшего ее в том числе в устройстве судьбы дочери, «черепахой». А княжну Варвару — «тигрицей», возможно, имея в виду, с одной стороны, ее «хищнические» повадки («тигрица» охотится на «жертву» — любимого брата Марии, князя Антиоха), с другой же — то, что ее, богатую и знатную невесту, как дикого, ценного зверя, трудно «изловить». Кантемир принимает и вслед за сестрой использует эти прозвища. Но под пером их автора, княжны Марии, они предстают гораздо более интересными, образными. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в ее письмах прозвища реализуют свой художественный потенциал, а их автор — свой потенциал литератора-сатирика.

Мария Кантемир попеременно актуализирует то «зоологическую», то «человеческую» семантику, задолго до М. Е. Салтыкова-Щедрина применяя прием переключения повествования из зоологической сферы в человеческую, который будет очень характе-

рен для его сатирических произведений, в частности, сказок. Можно привести длинный ряд примеров из писем княжны к брату: «Не стоит отстранять Тигрицу, поскольку я не замечала в ней никакой свирепости (зоологический план. — *М. К.*) и никаких намерений дружеских с кем-нибудь другим (человеческий. — *М. К.*)» [17, с. 43], «Тигрица утверждает, что молодые стареют (человеческий план. — *М. К.*) и хотят переменить свою нору (зоологический. — *М. К.*), но никто не может понимать намерение Черепахи (сочетание обоих планов. — *М. К.*): может быть, она хочет сделать из Тигрицы окорок (зоологический план. — *М. К.*)» [17, с. 46], «Думаю, что не надо беспокоиться о Тигрице: она ведь ни с кем не помолвлена (человеческий план. — *М. К.*). Черепахи привыкли ходить медленно (сочетание обоих планов. — *М. К.*), и я уверена, что советы, которые она Вам дает, и золотые горы, которые Вам обещают, — надежны (человеческий план. — *М. К.*). Наконец, что, как Вы желаете, скоро Тигрица будет в Вашей норе (зоологический план. — *М. К.*)» [17, с. 54] и т. п.

Переключение повествования из зоологической сферы в человеческую дает Марии Кантемир большие возможности. Во-первых, позволяет выстраивать двойной сюжет («зоологический» и «человеческий») и двойную систему персонажей (животные и люди), творчески свободно играя обоими планами. Во-вторых, за счет взаимоналожения обоих сюжетов и обеих систем персонажей позволяет многогранно, глубоко и тонко-иронично раскрывать человеческое через животное, или, точнее, животное в, казалось бы, человеческом. В-третьих, за счет того же взаимоналожения создает комический эффект. В-четвертых, в результате всего этого ставит саму Марию вместе с Антиохом, выступающим в качестве ее соавтора-сотаинника, неизменно выше полностью дискредитированных «Тигрицы» и «Черепахи», которые, по убеждению княжны Марии, безосновательно считают себя вправе размышлять, достойная ли князь Кантемир партия.

В отличие от сестры, Кантемир оставляет без внимания весь этот художественный потенциал прозвищ, понимая их только как прозвища. Ср. в его письмах: «...свет так сделан, что никогда нельзя найти полного счастья: то, чего мы больше всего желаем, когда делается нашим, часто причиняет нам недовольствие. <...> Может быть, то же самое случилось бы, если бы тигрица сделалась моей супругой, вследствие чего и не досадую особенно на препятствия, воздвигаемые черепахой. В убытке, как вы справедливо замечаете, <...> остаются скорее обе оне, потому что время одну старит и увеличивает полное расстройство хозяйства, а другого погружает в долги» [18, с. 149], «Что касается тигрицы, то я больше о ней не думаю; мне до того наскучили эти бесплодные разговоры о ней, что у меня уж не хватает на них терпения <...>. Жалею только о бедной девушке, которая так печально проводит лучшее время своей жизни. Молодость, как вы говорите, проходит безвозвратно, а ее молодость уже почти прошла...» [17, с. 155], «Черепаха может больше не бояться ничего, и наверно станет вторым лицом в государстве. Быть может, наконец, черепаха примет решение в пользу нас...» [17, с. 158] и т. п. Поскольку для Кантемира прозвища только прозвища, он актуализирует только «человеческий» план. Занимаясь, в отличие от сестры, писательством, он, очевидно, разделяет эпистолярный и литературу — и лишь в последней реализует свой художественный потенциал.

Под пером же Марии происходит формирование дружеского литературного письма, одной из черт которого принято считать, собственно, литературность, наличие стихотворных вставок и пр. В эпистолярной княжны Кантемир эта черта проявилась в создании сатирических характеристик и игре зоологическим и человеческим планами.

Послания Кантемира в этом и не только в этом отношении разочаровывают исследователей. Л. В. Пумпянский в свое время даже заключил: «Кантемир отнюдь не мастер письма» [21, с. 91], — отметив: «...эпистолярная манера Кантемира такова, что существенные вопросы остаются за порогом его писем» [21, с. 91]. Ученый имел в виду прежде всего литературные споры в европейских гостининых с участием князя, описание которых тщетно надеялся найти в переписке. Равным образом от нее — с учетом того, что Кантемир был назначен послом сначала в Англию, потом во Францию, — можно было бы ожидать изложения путевых впечатлений, т. е. формирования черт дружеского путевое письма. Но они отсутствуют. При этом официальные дипломатические донесения князя Антиоха, богатые как в содержательном, так и в языковом отношении, и по достоинству оцененные Л. В. Пумпянским («...насыщенные, наблюдательные и блестящие...»), какие «вряд ли кто другой из русских тогдашних резидентов умел писать...» [21, с. 91]), несомненно, свидетельствуют о том, что Кантемир мог, но не хотел писать в подобной манере.

Возможно, одной из причин было то, что письма перлюстрировались, следовательно, давать оценки западноевропейской действительности могло быть небезопасно. Другая причина, думается, состояла в том, что Кантемир не был очарован Европой, особенно Парижем, в котором ему довелось провести последние годы жизни. Писать о нем вряд ли было интересно и приятно. Отзывы о Франции в посланиях к княжне Марии есть, но они единичны, очень сжаты, односторонни (касаются только погоды), всегда отрицательны. Ср.: «Получил ваше любезнейшее письмо <...>, когда садился в карету, чтобы отправиться в Фонтенбло, где находится двор <...>. Эта местность создана для охотников; кроме того, находится здесь холодно и отвратительно...» [18, с. 154], «Северная погода и наводнения прошедшего и текущего месяца прервали почти всякое сообщение не только с чужими странами, но даже с провинцией, так что мы жили в Париже, как Ной в ковчеге; в моих подвалах до сих пор стоит вода, хотя река уже вернулась в свое русло. Вследствие вышесказанного, почта не приходила, и в продолжение более трех недель я оставался без ваших писем» [18, с. 161]. Очень показательно введенное Кантемиром сравнение, отсылающее к ветхозаветному сюжету: автор письма ассоциирует себя с праведником Ноем, спасшимся во время всемирного потопа, а залитый водой Париж — с погибшим под водой грешным миром.

Как можно видеть, Кантемир всякий раз, во-первых, как бы интериоризирует европейскую действительность, точнее, климат, — передает исключительно личные ощущения, личное переживание погоды. Оно сводится к «холодно и отвратительно». Во-вторых, автор посланий всякий раз касается вопроса о европейской погоде в связи с получением или неполучением долгожданных писем от сестры, т. е. как бы вынужденно, неохотно, между делом. Этот вопрос для него явно второстепенен и непривлекателен.

Итак, на первом плане для Кантемира-эпистолога всегда не внешнее, а внутреннее, личное. Он, несомненно, разделял сферы службы, литературы и своей частной жизни. Первые две, нужно думать, соотносились в его сознании, как и в сознании всех «птенцов гнезда Петрова» и классицистов, с открытой общественной деятельностью на благо России. Результаты этой деятельности воплощались им в дипломатических и литературных жанрах. И только третью сферу, сферу частной жизни, Кантемир оставлял, скажем так, себе, связывая ее с областью семейно-дружеской переписки и старательно освобождая от всего «внешнего». Вероятно, по этой причине послания к княжне Марии почти не содержат автобиографических элементов, что на первый взгляд удиви-

тельно. Автобиография посла и писателя неизбежно включала бы в себя повествование о служебной деятельности, общественной и литературной жизни в Европе и т. п. Минимум «внешнего» компенсируется вниманием Кантемира-эпистолога к таким аспектам своей личной жизни, как философия, вера, чувства, семейно-дружеские отношения. Его письма к княжне Марии задолго предвзвешивают не только более поздние и гораздо более широко известные послания Д. И. Фонвизина и М. Н. Муравьева к сестрам, но и в целом художественные открытия писателей-сентименталистов второй половины XVIII в.

Как представляется, письма Кантемира к сестре нужно считать одним из ранних образцов формирующегося дружеского литературного письма, понимая последнее, как мы уже указывали, не в узком, а в широком смысле. В узком смысле исследователи признают дружеским литературным письмом лишь одну разновидность — по характеристике Л. Я. Гинзбург, «галиматейно-буффонадную» [5, с. 185] (ее расцвет состоялся в творчестве А. С. Пушкина и арзамасцев; по мнению К. Ю. Лаппо-Данилевского, сторонника узкого понимания, она заявила о себе впервые в 1780–1790-е гг. в эпистолярной Н. А. Львова [14]). Послания Кантемира, конечно же, не имеют отношения к этой эпистолярной традиции. Они представляют собой один из ранних образцов, если опять воспользоваться характеристикой Л. Я. Гинзбург, «исповедального» [5, с. 184] дружеского письма (или, по терминологии Р. М. Лазарчук, «письма-исповеди» [12, с. 94]), тоже ярко заявившего о себе в XVIII в. — под пером М. Н. Муравьева, Г. П. Каменева, А. Н. Радищева и др. (см., например, работы Р. М. Лазарчук, широко понимавшей дружеское письмо: [10, с. 4–18; 11; 12, с. 94–95; 13]), также Н. М. Карамзина (см., в частности: [22; 23]), в начале XIX в. — под пером В. А. Жуковского (см. подробнее: [5]). В эпистолярной Кантемира данная разновидность дружеского литературного письма начала складываться значительно раньше — и в этом плане они очевидно недооценены и недоисследованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антонова М. В. Древнерусское послание XI–XII вв.: поэтика жанра. Орел: Курсив, 2011. 357 с.
- 2 Блудилина Н. Д. Антиох Кантемир и английская культура // Вестник славянских культур. 2009. № 1. С. 57–67.
- 3 Блудилина Н. Д. Антиох Кантемир и его литературные связи во Франции // Вестник славянских культур. 2010. № 3. С. 60–68.
- 4 Воронин Т. Л. История русской литературы XVIII столетия. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. 303 с.
- 5 Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1987. С. 183–188.
- 6 Глариантова Е. В. Жанр комментариев А. Д. Кантемира к его переводу «Посланий» Горация // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 16–44.
- 7 Демин А. С. Русские письмовники XV–XVII веков. (К вопросу о русской эпистолярной культуре): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 454 с.
- 8 Клейн И. Служба, лень, и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2017. Сб. 29. С. 156–175.
- 9 Косилова А. Д. Философский дискурс писем Кантемира к сестре Марии // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии. Сб. науч. ст. по итогам НИР и НИРС кафедры филологии и массовых коммуникаций / под

- ред. С. Б. Козинца. Самара: Изд-во Самарского филиала Московского гос. пед. ун-та, 2019. С. 79–86.
- 10 *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.
- 11 *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо и его место в литературном процессе конца XVIII века (Г. П. Каменев) // XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1971. С. 53–55.
- 12 *Лазарчук Р. М.* Из истории дружеского письма конца XVIII в. (Н. А. Львов) // XXII Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1969. С. 93–95.
- 13 *Лазарчук Р. М.* Письма Г. П. Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1976. Вып. 2. С. 74–85.
- 14 *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПб.: Наука, 2013. Сб. 27. С. 121–153.
- 15 *Майков Л. М.* Княжна Мария Кантемирова // Русин. 2011. № 1 (23). С. 81–154.
- 16 *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 12–13.
- 17 Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1732–1739. (Публ. Д. Майелларо) // Русско-итальянский архив. II / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 25–78.
- 18 Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1740–1744. (Публ. Д. Майелларо) // Русско-итальянский архив. IV / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2005. С. 149–201.
- 19 *Полонский Д. Г.* Первый русский печатный письмовник и его роль в формировании эпистолярной культуры Нового времени // Academia.edu. URL: <https://www.academia.edu/6378808> (дата обращения: 29.07.2020).
- 20 Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожательные, и иные; также между сродников и приятелей / перев. с немецкого на российский язык. Напечатанные повелением благочестивейшаго великого государя царя, великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве, Апр. 1708. 210 с.
- 21 *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. Сб. ст. и мат. / под ред. акад. А. С. Орлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83–132.
- 22 *Фрик Т. Б.* Элегические мотивы в письмах Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2015. № 1 (33). С. 159–168.
- 23 *Фрик Т. Б.* Эпистолярный Н. М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–2 (43). С. 198–201.

***

© 2022. Marina D. Kuzmina

St. Petersburg, Russia

**CORRESPONDENCE BY A. D. KANTEMIR WITH HIS SISTER
AND THE DEVELOPMENT OF THE EPISTOLARY GENRE
IN RUSSIA OF THE 18th CENTURY**

Abstract: The paper is to study the correspondence by A. D. Kantemir with his sister, M. D. Kantemir, in the context of development of the epistolary genre in Russian literature of the 18th century. It turns out that it began to advance to leading positions as early as the first third of the 18th century (as evidenced, in particular, by the writer of the time of Peter the Great “Annexes, how to write different compliments...”), a friendly letter plays a decisive role in the communication between the prince and the princess. This is a kind of family-friendly correspondence. Its character changes over time: in 1732–1740 it is mostly confidential and confessional, in 1741–1744 — business. Probably, such changes occurred under the influence of external factors: the state of health of Kantemir was steadily deteriorating, what he tried to conceal from his sister not to upset or frighten her, yet he did not want to lie to her either. At the same time, he had neither the strength nor the time to discuss anything, except the cases when he was in a hurry to arrange, feeling the approach of death. Obviously, for these reasons, personal topics were hushed up. But even transferred to the business register, the correspondence between brother and sister Kantemir remained invariably friendly. Whatever character it wore, it displays such features as empathy, sincere participation of one correspondent in the events of the life and experiences of another (hence the special warmth in appeals to the addressee, including in prescripts and clauses), the presence of friendly jokes, as well as its own kind of “secret writing”, an allegorical language, understandable only to the correspondents. Princess Maria suggested that Cantemir adopted nicknames for mutual acquaintances, and in the letters of Princess Maria these nicknames realize their literary potential. They are two-pronged (the Princess alternately actualizes the “human”, then the “animal” plan of content, long anticipating the method of switching the narrative from the “animal” to the “human” plane, characteristic for the satire of M. E. Saltykov-Shchedrin, including his tales) and are quite satirical. The presence of literary — first of all, poetic — insertions is considered to be one of the features of friendly literary writing, the appearance of which in Russian literature is traditionally dated to the second half of the 18th century. The correspondence between the Prince and Princess Kantemir is closely connected with the tradition of sentimentalism, thanks to its confidential, confessional and friendly tonality. The study demonstrates that this correspondence enriches academic understanding of the essence and history of formation of the friendly literary writing.

Keywords: A. D. Kantemir, M. D. Kantemir, correspondence, epistolary genre, letter, friendly letter, Russian literature of the 18th century.

Information about the author: Marina D. Kuzmina — PhD in Philology, Associate Professor, Book Publishing and Book Trade, The Higher School of The Press and Media Technologies, St. Petersburg State University Of Industrial Technologies And

Design, Bolshaya Morskaya St., 18, 191186 St. Petersburg, Russia; Associate Professor of Department of the Russian Literature, Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, Moika River Emb., 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Received: August 24, 2020

Approved after reviewing: October 15, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Kuzmina M. D. Correspondence by A. D. Kantemir with his Sister and the Development of the Epistolary Genre in Russia of the 18th Century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 142–157. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

REFERENCES

- 1 Antonova M. V. *Drevnerusskoe poslanie XI–XII vv.: poetika zhanra* [Old Russian message of the 11–13 Centuries: Poetics of the Genre]. Orel, Kursiv Publ., 2011. 357 p. (In Russian)
- 2 Bludilina N. D. Antiokh Kantemir i angliiskaia kul'tura [Antiochus Cantemir and English Culture]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2009, no 1, pp. 57–67. (In Russian)
- 3 Bludilina N. D. Antiokh Kantemir i ego literaturnye sviazi vo Frantsii [Antiochus Cantemir and his Literary Connections in France]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2010, no 3, pp. 60–68. (In Russian)
- 4 Voronin T. L. *Istoriia russkoi literatury XVIII stoletii* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2009. 303 p. (In Russian)
- 5 Ginzburg L. Ia. “Zastenчивost' chuvstva”. Po povodu pisem liudei pushkinskogo kruga [“Shyness of Feeling”. On the Letters of the People of Pushkin Circle]. In: *Krasnaia kniga kul'tury* [Red Book of Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 183–188. (In Russian)
- 6 Glariantova E. V. Zhanr kommentariiev A. D. Kantemira k ego perevodu “Poslanii” Goratsiia [Genre of Comments by A. D. Cantemir to his Translation of the “Epistles” by Horace]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2016, vol. 14, pp. 16–44. (In Russian)
- 7 Demin A. S. *Russkie pis'movniki XV–XVII vekov. (K voprosu o russkoi epistoliarnoi kul'ture)* [Russian Writers of the 15th–17th Centuries. (On the Issue of Russian Epistolary Culture): PhD Dissertation]. Leningrad, 1963. 454 p. (In Russian)
- 8 Klein I. Sluzhba, len', i “sladostnyi dosug” v russkoi dvorianskoi kul'ture XVIII veka [Service, Laziness, and “Sweet Leisure” in the Russian Noble Culture of the 18th Century]. In: *XVIII vek* [18th]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, Coll. 29, pp. 156–175. (In Russian)
- 9 Kosilova A. D. Filosofskii diskurs pisem Kantemira k sestre Marii [Philosophical Discourse of Cantemir's Letters to Sister Mary]. In: *Sovremennaia filologiya: metody, gipotezy, problemy, universalii. Sbornik nauchnykh statei po itogam NIR i NIRS kafedry filologii i massovykh kommunikatsii* [Modern Philology: Methods, Hypotheses, Issues, Universals. Collection of Papers on the Results of Research and Research of the Department of Philology and Mass Communications], ed. by S. B. Kozinets. Samara, Samara Branch Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 79–86. (In Russian)

- 10 Lazarchuk R. M. *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII veka kak iavlenie literatury* [Friendly Writing of the Second Half of the 18th Century as a Literary Phenomenon: PhD Thesis, Summary]. Leningrad, 1972. 19 p. (In Russian)
- 11 Lazarchuk R. M. Druzheskoe pis'mo i ego mesto v literaturnom protsesse kontsa XVIII veka (G. P. Kamenev) [Friendly Letter and its Place in the Literary Process of the Late 18th century (G. P. Kamenev)]. In: *XXIV Gertsenovskie chteniia. Filologicheskie nauki. Kratkoe sodержanie dokladov* [XXIV Herzen Readings. Philological Sciences. Summary of the Reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1971, pp. 53–55. (In Russian)
- 12 Lazarchuk R. M. Iz istorii druzheskogo pis'ma kontsa XVIII v. (N. A. L'vov) [From the History of Friendly Letters at the End of the 18th Century. (N. A. Lvov)]. In: *XXII Gertsenovskie chteniia. Programma i kratkoe sodержanie dokladov* [XXII Herzen Readings. Program and Summary of Reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1969, pp. 93–95. (In Russian)
- 13 Lazarchuk R. M. Pis'ma G. P. Kameneva i ikh istoriko-literaturnoe znachenie [G. P. Kamenev's Letters and Their Historical and Literary Significance]. In: *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka. Ot klassitsizma k romantizmu* [Problems of Studying Russian Literature of the 18th century. From Classicism to Romanticism]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1976, vol. 2, pp. 74–85. (In Russian)
- 14 Lappo-Danilevskii K. Iu. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki [Friendly literary writing: specifics, origins]. In: *XVIII vek* [18th]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, coll. 27, pp. 121–153. (In Russian)
- 15 Maikov L. M. Kniazhna Mariia Kantemirova [Princess Maria Kantemirova]. *Rusin*, 2011, no 1 (23), pp. 81–154. (In Russian)
- 16 Makogonenko G. P. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII v. i literaturnyi protsess [Letters from Russian Writers of the 18th Century and Literary Process]. In: *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 12–13. (In Russian)
- 17 Perepiska kn. A. D. Kantemira s sestroi Mariei na ital'ianskom iazyke. 1732–1739. (Publ. D. Maiellaro) [Correspondence of A. D. Cantemir with his Sister Maria in Italian. 1732–1739. (Publ. D. Maiellaro)]. In: *Russko-ital'ianskii arkhiv. II*. [Russian-Italian Archive. II], comp. by D. Ritsti and A. Shishkin. Salerno, 2002, pp. 25–78. (In Russian)
- 18 Perepiska kn. A. D. Kantemira s sestroi Mariei na ital'ianskom iazyke. 1740–1744. (Publ. D. Maiellaro) [Correspondence of A. D. Cantemir with his Sister Maria in Italian. 1740–1744. (Publ. D. Maiellaro)]. In: *Russko-ital'ianskii arkhiv. IV*. [Russian-Italian Archive. IV], comp. by D. Ritsti and A. Shishkin. Salerno, 2005, pp. 149–201. (In Russian)
- 19 Polonskii D. G. Pervyi russkii pechatnyi pis'movnik i ego rol' v formirovanii epistoliarnoi kul'tury Novogo vremeni [The First Russian Printed Letter Writer and his Role in the Formation of the Epistolary Culture of the New Time]. In: *Academia.edu*. Available at: <https://www.academia.edu/6378808> (accessed 29 July 2020). (In Russian)
- 20 *Priklady, kako pishutsia komplimenty raznye na nemetskom iazyke, to est' pisaniia ot potentatov k potentatam, pozdravitel'nye i sozhatelel'nye, i inye; takozhde mezhdu srodnikov i priiatelei* [Annexes, on how to Write Different Compliments in German,

- that is, Writings from Potentates to Potentates, Congratulatory and Conniving, and others; so much the same between Relatives and Friends], perevedeny s nemetskogo na rossiiskii iazyk. Napechatannye poveleniem blagochestiveishago velikogo gosudaria tsaria, velikogo kniazia Petra Aleksievicha vseia Velikiia i Malyia i belyia Rossii samoderzhtsa. Pri blagorodneishem gosudare tsareviche, i velikom kniaze Aleksii Petroviche. V tsarstvuiushchem velikom grade Moskve, April 1708. [trans. from German into Russian. Printed by the Order of the most Pious Great Sovereign Tsar, Grand Duke Peter Alexievich of All Great and Small and White Russia autocrat. Under the most Noble Sovereign Tsarevich, and Grand Duke Alexy Petrovich. In the Reigning Great City of Moscow, April 1708]. 210 p. (In Russian)
- 21 Pumpianskii L. V. Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka [Essays on Literature of the first Half of the 18th Century]. In: *XVIII vek. Sbornik statei i materialov* [18 century. Collection of papers and materials], ed. by Academician A. S. Orlov. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1935, pp. 83–132. (In Russian)
- 22 Frik T. B. Elegicheskie motivy v pis'makh N. M. Karamzina [Elegiac Motives in the Letters of N. M. Karamzin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Filologiya* [Philology], 2015, no 1 (33), pp. 159–168. (In Russian)
- 23 Frik T. B. Epistolarii N. M. Karamzina skvoz' prizmu obrazov avtora i adresata [Epistolary of N. M. Karamzin in the Light of Images of the Author and Addressee]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no 1–2 (43), pp. 198–201. (In Russian)